

Серафина Пекова

Байки Ташкентского Бродвея

Серафима Пекова

Байки Ташкентского Бродвея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245211

ISBN 978-5-4474-1046-9

Аннотация

«Байки Ташкентского Бродвея» – яркие, колоритные картинки из быта горожан. Красочные, сочные иллюстрации Серафимы Михайловой, стилизованные под эскизы декораций кукольного театра, логично дополняют повествование, сотканное из мистификаций и видений, словно бы явившихся рассказчику, задремавшему в тени раскидистой чинары в солнечный полдень.

Содержание

Байка первая: Город золотой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Байки Ташкентского Бродвея Серафина Пекова

Все совпадения случайны.

© Серафина Пекова, 2015

Иллюстратор Серафима Юрьевна Михайлова

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Улица Сайилгох, что впадает в Сквер Амира Тимура, больше известна в Ташкенте как Бродвей. По обеим ее сторонам многочисленные художники и народные умельцы продают свои картины и сувениры – их хорошо раскупают иностранные туристы. Раньше на Бродвее было также старое здание русского драмтеатра имени Горького, кафешки-палатки с пластмассовыми столиками, над головой витал запах шашлыка, а в выходные горожане и по сей день любят выйти на Бродвей – на других посмотреть и себя показать.

Байка первая: Город золотой

Сергею Ивановичу Федорину снился зал Дворца Дружбы Народов в Ташкенте. Вместо спускающихся к сцене каскадов темно-красных, обитых бархатом кресел какие-то вандалы установили здесь старые, облезлые парковые скамейки, густо покрытые лежалой, будто только показавшейся из-под весеннего снега, листвой. «Из парка Тельмана они их, что ли, притащили?», – настойчиво бился в голове сновидца вопрос, пока он искал для себя свободное место. Видимо, Сергей Иванович опоздал к началу – в зале уже погасили свет. Оглядываясь вокруг, он не заметил, как на сцену один за другим, тихо – так тихо, как будто все они были босыми, вышли артисты. Они встали в шаге от рампы в ряд, перед закрытым наглухо занавесом, пошитым из кусков то ли холста, то ли рогожи. Без объявления номера и музыкального вступления, вкрадчиво и доверительно, стройный мужской хор запел акапелла:

– Когда в лихие годааааа
Пахнёт народной бедооой...

Сергей Иванович оторопело смотрел на сцену, где с удивлением обнаружил их всех, подолгу задерживаясь взглядом на каждом. Первым он увидел Кинчева – с головы до ног

в черном, в привычной для него позе – с выпяченной грудной клеткой и задраным подбородком. Некрупные кисти его рук в кожаных «митенках», сжатые в кулаки, лежали на поясе. Рядом – Шевчук, в домашнем вязаном жакете, с уютной старообрядческой бородой и в учительских круглых очках.

– Из лесу выходит старииник.

А глядишь, он совсем не старииник...

Самого автора песни – в красной просторной рубаше, Сергей Иванович нашел справа, замыкающим ряд.

– Проснись, моя Костромааа,

Не спи Саратов и Твееееерь...

Возле него двое будто бы ряженных. Слева – бритый наголо Мамонов в клетчатом пиджаке с нашитыми цветастыми латками и пижонском коротком галстуке. Одна рука в кармане полосатых клоунских «клешей», в другой – бутылка, кажется, лимонада. Справа – Бутусов, в треуголке с пером, в черно-красном мундире с фалдами и отложным воротником времен Павла I.

– Не плачь, Маша, я здееесь,

Не плачь, солнце взойдёооооот...

В центре сцены – уже десять лет как покойный Башлачев и почти вслед за ним ушедший Цой. В пол-оборота друг к другу, глядя куда-то наверх, оба в просторных белых косоворотках, шитых деревенскими «огурцами», они выводили:

– И вот он стоит вокруг наааааас,
И ждёт нас, и ждёоооооот нас...

Сергей Иванович, расталкивая плотно вставших плечом к плечу зрителей в центральном проходе, пробрался вперед, к самой сцене. Здесь, опершись руками о край, уставленный стеклянными литровыми банками с красными гвоздиками, встав на цыпочки, он запел вместе со всеми, охваченный единым порывом:

– В тяжелый для Родины час
Над нами летиит его аэроплааан,
Красивый, как иииииконостас...

В тот самый момент, когда приятный баритон Федорина, ясно различимый и в то же время гармонично вписавшийся в гордое многоголосье, выводил конец припева «И пиииишет на неееебе...», его воистину счастливого обладателя тронули за плечо. Обернувшись, еще не успев закрыть рот и стереть с лица блаженную улыбку, Сергей Иванович увидел позади себя Софию Ротару. Певица, не разделяя его радости и не обнаруживая ни малейшего желания подпевать хо-

ру, совершенно невпопад, голосом его второй жены выкрикнула, как пароль:

– Стучатся!

– В двери травы? – иронично, как ему показалось, ответил вопросом Сергей Иванович, не переставая улыбаться.

Однако вместо ответа София Ротару зачем-то сильно и невежливо толкнула его в плечо. Вздрогнув и мгновенно очнувшись, Сергей Иванович сел на постели, непонимающе огляделся, тяжело вздохнул и почесал шею. Еще минуту он молча наблюдал за действиями разбудившей его супруги. Она, удовлетворенная пробуждением мужа, прошла к окну, распахнула портьеры и впустила в спальню всю мощь победоносного, как начало токкаты ре-минор Иоанна Себастьяна Баха, августовского джизакского солнца.

– Кто стучатся? И чего ты толкаешься, Нин? – обиженным голосом озвучил Федорин свое непонимание сложившейся в супружеской спальне обстановки в преддверие заслуженного им субботнего отдыха.

В ответ только покачав головой и пожав плечами, жена поспешила на свист чайника на кухню, откуда к тому же тянуло томящимися на сковороде драниками. На пути в ванную Сергея Ивановича сопровождал ее радостный щебет, основное содержание которого сводилось к сегодняшнему приглашению в Ташкент, на свадьбу к родственникам. К тому же выяснилось, что ему, Федорину, уже дважды не посчастливилось отвертеться от этого мероприятия. Мужики с рабо-

ты приезжали с самого ранья забрать любимого начальника на Сырдарью. Мужики из ЖЭКа приходили минуту назад зазывать уважаемого домкома в экспедицию за песком для детской площадки во дворе. Ни один из приведенных доводов не возымел на Нинулю никакого действия. И она дала отставку всем стучащимся, наглухо опровергая постулат о том, что, мол, стучите и отворят вам. Отворят-то отворят, но вот мужа с вами на рыбалку или за песком вряд ли отпустят. И свадьба, Камиля, чьего-то троюродного племянника, которого Федорин в последний раз видел наполовину беззубым первокласником где-то на заре семидесятых, муторно засверлила голову его, кажется, дяди мрачной мыслью о Карме и Сансаре.

Вдоволь насладившись чисткой зубов электрической щеткой – пока еще диковинкой, приносящей своему владельцу ни с чем не сравнимое удовольствие обладания раритетом, Сергей Иванович внимательно оглядел себя в зеркало. Обширную блестящую лысину Федорина полностью компенсировали густые пшеничные усы так называемого «украинского» фасона – длинные, с узкими концами. Секрет их филирования бритвой неизменный мастер Сергея Ивановича, Мурад, хранил почище зеницы ока.

Федорин вышел к завтраку с голым торсом, замотав вокруг могучих чресел модное китайское полотенце с каким-то чудным зеленым зверуном на красном фоне. Жена, уже успевшая одеться в дорогу, неодобрительно зыркнула,

но промолчала и проворно поставила перед супругом большую кружку сладкого чая, тарелку драников и пиалу с каймаком.

– Перцу, – быстро оглядев стол, коротко бросил Сергей Иванович.

И получил перцу – молотого черного и красного, в ассортименте.

– Еще чай, – протянул он быстро опустевшую кружку.

И послушно налила любящая Нинулина рука чаю из заварочного чайника – темно-синего, с золотыми драконами.

– Сахару. И помешать.

Все было сделано проворно и почти бесшумно.

Чета Федориных была четко и чутко отлаженным механизмом, в котором умная жена угождала супругу в бытовых мелочах и ублажала его мужское тщеславие внешней покорностью и истинно восточным послушанием. При этом вертела она мужем, как ее душеньке было угодно, добывая из него,

в том числе, поездки к многочисленным славяно-тюркским родственникам. Раньше – по всему Союзу, теперь же – чаще всего в столицу независимого Узбекистана.

Нинуля же имела решающий голос во всем, что касалось внешности Федорина (не считая усов). Ну, по крайней мере, костюм на свадьбу чьего-то дальнего родственника – идеально черный, в изумрудную «куриную лапку» – выбирала для мужа именно она. Костюм был новым, и не самопальным каким-нибудь, а фирменным, итальянским, что было подтверждено маркировкой. Пошита была эта синтетическая лепота, если верить вышеупомянутой маркировке, в самом Неаполе. Скорее всего, к нему даже приложил руку Луиджи Борелли, сын основательницы бренда – Анны Борелли. По крайней мере, Нинуля пыталась убедить в этом мужа, который упорствовал в своих подозрениях, что костюм супруга откопала в залежах времен зари мустакиллика. Тогда в Узбекистан свозили вагонами и успешно реализовали мужские новешенькие костюмы и лакированные тапки, быстро обросшие невероятными слухами, что предназначены они были для покойников. Дескать, загнивающий Запад отправляет в таких «бореллях» свежepochивших капиталистов на кремацию, а наши досужие «челноки» скупают дешевые костюмчики вагонами и поставляют по цене дорогих – наивным и очень даже живым согражданам.

Но оставим в покое генеалогию костюма-тройки, водруженного-таки волевым Нинулей на истомленного странным

сном и сытным завтраком Сергея Ивановича. Ему просто лень было перечить супруге, и он буквально испекся в золу, стоя в очереди за билетами на автобус в Ташкент. Однако, очередь – это было еще куда ни шло испытание, настоящий тест-драйв начался для «тройки» в автобусе. Стоило Федорину присесть, под тяжестью роскошного пуза главного технолога джизакской трикотажной фабрики, как по команде, в секунду отлетели все микроскопические пуговицы на ширинке штанов. Констатировав этот факт, Сергей Иванович, совершенно разморенный уже полуденной жарой, предпочел сомкнуть усталые веки. Перед сном он принял мудрое решение отдать этот вопрос на откуп жене уже по прибытии в Ташкент.

В автобусе Федорину ничего не снилось, чему он был искренне рад. Однако его ватную дрему тревожили время от времени странные звуки. Два мужских голоса – мягкий надтреснутый тенор и только-только сломавшийся баритон, перебивая и накладываясь друг на друга, спорили за внимание женского – молодого и хрустально-нежного. Все трое вели странный разговор речитативом. И чудилось Сергею Ивановичу, что баритон сокрушался то ли в шутку, то ли всерьез:

– Самый быстрый самолет не успеет за тобою, а куда деваться мне?...

– Спроси об этом всадника в белом седле, – журчал-смеялся в ответ ему девичий.

– Сядь ко мне ближе, ты узнаешь, кто я такой... – нашептывал девушке тенор, умоляя.

– Есть люди типа «жив» и люди типа «помер»... – почти уже серьезно угрожал ему переходящий то в свист, то в хрип баритон.

– У некоторых сердце поет, у некоторых – болит... – переливался, словно водой на перекатах, девический.

– Ты нужна мне. Ну что еще?... – продолжал лнуть к нему шепотом тенор.

Девичий его будто бы не слышал и говорил успокаивающе баритону:

– Его любви здесь нет, его любви минус пятнадцать лет...

– Но если бы ты могла меня слышать, мне было бы легче петь... – еле слышно говорил теперь куда-то в сторону тенор, с плохо скрываемым разочарованием и почти с болью.

«И ведь бывают такие бестактные люди!» – возмущенно думала про себя бодрствующая Нинуля. Всем сердцем вскипала она против открыто проявляемых двумя на вид еще совсем школьниками нежностей. Девушка и парень, сидевшие прямо перед Федориными, слушали один на двоих плеер с пробивающейся сквозь плохие наушники странной музыкой с путаными текстами. Всю дорогу обменивались они дробными поцелуями и бессвязными фразами из песен, даже не пытаясь понизить тон. Нинуля еще очень хорошо помнила время, когда на молодых людей, держащихся в автобусе или в метро за руки, недовольно косились бы все пассажиры. Какая-нибудь почтенная опа обязательно отчитала бы их, пройдясь заодно по всем молодым, которые вовсе совесть и стыд потеряли, горе их матерям.

– Приехали. Сережа, ну что с тобой сегодня такое? – не на шутку разволновалась Нинуля, расталкивая мужа по приезду в Ташкент. Уже второй раз за день тревожно она вглядывалась в тяжело ворочающиеся под его веками глазницы, тщетно пытаясь расслышать, какие слова вязнут у Федорина в усах.

– Да все нормально, нормально, Нинок, – пробормотал Сергей Иванович, кряхтя и цепляясь за высокую спинку впереди стоящего кресла в попытке встать. Затекшая нога соскользнула, и он вновь завалился на сиденье.

– Федорино горе, – ворчала Нинуля, вытаскивая мужа

из автобуса, как это водится у славянских женщин, на себе.

– Ты мне... это... Нин, пуговицы пришей, – жалостливо попросил супругу Сергей Иванович, стоило им только войти под прохладный свод автовокзала «Ташкент».

– Господи, да что же это такое? – всплеснула руками Ни нуля, обнаружив причину, по которой муж так странно ску-кожился, сведя пальцы под животом в «замок». И затрепета-ла, и заговорила что-то быстрое и негодующее про хлипкие комплекты одежды масспошива, и про то, что «кто-то слишком много ест», и, кажется, даже про свое неудачное замужество.

– Нин, ты мне это брось, – резко и даже грозно оборвал ее причитания супруг. – Пуговицы давай пришей. И чтобы без этих траурных воплей.

Повздыхав и поворчав про то, что она не привыкла но-сить при себе портняжные принадлежности на свадьбу, разо-зленная Ни нуля немного порыскала по зданию автовокза-ла, пока муж «прохлаждался» на скамейке, расставив затек-шие ноги и вытирая обильно выступающий пот. Вентиляция в зале ожидания не выдерживала августовской температу-ры, зашкаливающей за все плюс сорок пять в тени. На полу у женского туалета, забытая или оброненная кем-то, нашлась потертая бечевка достаточной длины, чтобы быть опоясан-ной вокруг обширной талии Сергея Ивановича с целью под-держания штанов до лучших времен. Ремней сей персонаж не признавал никогда, а сейчас ремень был бы кстати. Федо-

рин согласился на бечеву, только чтобы от него, ради Христа, отстали, и чтобы можно было наконец двинуться уже хотя бы куда-нибудь.

Устав от ссоры и не разговаривая друг с другом, супруги покинули здание автовокзала и спустились под землю – на станцию метро Сабира Рахимова, конечную на Чиланзарской линии. Жена и муж Федорины (Нинуля в девичестве носила фамилию Стеценко) очень любили ташкентское метро и искренне считали его самым красивым и удобным, если не на свете, то уж на пространстве бывшего Союза точно. Станция с белым ребристым потолком именем своим была обязана узбекскому генералу Великой Отечественной. При виде ее мрачноватого героического декора Нинуля обрадовалась, будто встретив хорошего знакомого, глубоко вздохнула полной грудью и удовлетворенно улыбнулась.

– Знаешь, Сереж, я вот в Москве метро не люблю, – завела она свою любимую шарманку, когда они сели в поезд. – Душно там и темно. А на кольце мне все время кажется, что машинист сойдет с ума или умрет от сердечного приступа, или еще там от чего-нибудь. Поезд из-за этого столкнется с другим в туннеле, или проедет все станции насквозь, да так и будет мотаться на этом кольце, пока пассажиры тоже не сойдут все с ума или не умрут от сердечного приступа. Хорошо, что у нас нет кольца.

Сергей Иванович только усмехался в усы, слушая Нинулины фантазии, и ничего ей не отвечал. Супруги проеха-

ли одну станцию и сошли на следующей, Чиланзар, дабы купить цветов для молодоженов на базарчике прямо рядом с выходом из метро. Медленно, почти прогулочным шагом, они шли мимо многоцветных керамических панно, отображающих, по замыслу своих творцов, «созидательную жизнь, культуру и труд узбекского народа». «Если бы я умел это, я нарисовал бы тебя там, где зеленые деревья и золото на голубом...» – пробормотал Федорин, едва они минули картину, где в тени деревьев длиннокобая девушка и юноша в ичигах словно бы перебрасывали один другому серебряный мячик луны, и он взлетал от удара выше крон. Федорин потряс головой, пытаясь отделаться от песни, но не смог. Уже прошли то панно, где молодая женщина высыпала на землю, кажется, из мешка, розовые гранаты, лопающиеся от спелости, и то, где плоды айвы желтели горкой в подоле платья другой красавицы, а Сергей Иванович все бормотал про золото на голубом. Благо, Нинуля, сосредоточенная на хитрых подсчетах, сколько потратить на цветы, сколько – вложить в подарочный конверт и сколько оставить на обратную дорогу, не особо прислушивалась к мужу.

Выйдя наружу, они быстро оказались у входа на базар. Рядовой «дехкон бозори» – крестьянский базар на Чиланзаре – не парадный типа Алайского и не такой экзотический, как Чор-Су в Старом городе, и даже не такой «перекрестный», как Фархадский, поэтому туристы сюда попадают редко, разве что за компанию с кем-то с «принимающей сто-

роны». Глянув одним только глазом на снующие туда-сюда спины сограждан, Сергей Иванович попятился, как рак, назад, со словами: «Я по пиву, а ты сама-сама-сама...». Покинув жену с несвойственной ему торопливостью, он двинул в сторону круглых столиков, столпившихся вокруг привозной бочки со спасительной надписью вязью. Бочка удачно припарковалась за кованым забором, откуда был отличный вид на сутолоку и суету базара, и куда эти самые сутолока и суета не имели никакого шанса попасть.

Федорин взял себе сразу две кружки по пол-литра – пузатые, прозрачно-стеклянные, слегка запотевшие, на прохладную поверхность которых так приятно было положить ладони, и несколько шариков курта на закуску. На мгновение он замер в предвкушении чистейшего наслаждения и уже поднес одну кружку к губам, чтобы бережно слудть пену и сделать богатырский глоток, осушив ее сразу наполовину, как вдруг глазам его предстала странная сцена.

По правую руку Сергея Ивановича виднелся овощной ряд. Розоватые горки чесночных головок и огурцов с тончайшей, безо всяких пупырышков, изумрудной блестящей кожей перемежались холмами золотистых и медных, круглых или продолговатых по форме луковиц. Барханы ярко-желтой и оранжевой, как будто подсвеченной изнутри, моркови чередовались с россыпями перца всех отпущенных ему цветов – от ярко-зеленого до пурпурного. Над всем этим возвышались горы юсуповских мясисто-розовых помидоров

по полкило каждый. Слева протянулся фруктовый ряд. Инжир, бархатистый бледно-желтый и гладкий светло-сиреневый, соперничал с застенчиво-розовыми и царственно-красными персиками, оттененными черно-лиловыми сливами в сопровождении яблок – из беловатой зелени в солнечный мед. Между рядами, среди фигур, одетых во все легкое и цветное, сливающихся в один шевелящийся пестрый фон, был человек. Он стоял совсем близко от прилавка со свежей зеленью, в конце овощного ряда недалеко от забора, и у Федорина была возможность хорошенько разглядеть его.

На нем была ярко-красная рубашка и голубые джинсы. Голова его была не покрыта, отросшие и ничем не скрепленные темно-русые волосы закрывали лоб и шею почти до плеч. Глаза, не привыкшие к яркому солнцу, прятались за желтыми стеклами круглых очков. Человек был в толпе, но от окружающих его явственно отделяла тонкая золотистая сфера, которая звенела в воздухе тончайшей пылью и несколько размывала его очертания. Смеясь и переговариваясь с молодым дочерна загорелым парнем за прилавком, он подносил к носу пучки зелени – один за другим. Сергей Иванович даже на расстоянии чувствовал вслед за ним слабопряный аромат зеленых листочков тархуна и холодящий запах фиолетовых листиков райхона, сильный освежающий аромат пушистого укропа и перечный – майорана.

Человек явно не собирался ничего покупать. Отойдя от зелени, он немного поколебался и шагнул к персикам.

Бережным любящим движением вынимал персик из горки и рассматривал на свет, словно пытаясь разглядеть внутри косточку. Подносил к губам и, кажется, шептал что-то его пушисто-оранжевому боку. Трогал большим пальцем коричневую крошечную плодоножку и застывшую возле нее янтарную капельку древесной смолы. Качал головой в удивлении, и возвращал персик на место, точно определяя место, откуда взял его. И Федорин вслед за ним тоже округлял и разжимал невольно ладонь свободной руки, словно принимая в нее и выпуская обратно теплый плод с ласковой кожей.

Но вот к человеку подошел другой, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и с усами щеткой над кривоzubой улыбкой, сказал ему что-то, и оба засмеялись. Потом усатый целиком закрыл от Сергея Ивановича того, в красной рубашке, и только золотистая пыль, которую, похоже, не видел никто, кроме Федорина, осталась дрожать в воздухе. В какой-то момент Сергей Иванович закрыл глаза, уставшие от яркого света и загадочного сияния, исходившего от человека у фруктового ряда. А когда открыл их, то не нашел уже ни одного из них – ни незнакомца, ни того усатого, который был Федорину откуда-то знаком. На стопах же покупателей, бредущих в сторону выхода, как казалось Сергею Ивановичу, поблескивали теперь золотые пылинки опавшей после ухода человека светящейся сферы.

Громко вздохнув и помотав головой, Сергей Иванович глянул на свою кружку, которую он до сих пор держал в ру-

ке поднесенной к губам, и сдул наконец пену. Она, как ни странно, еще не успела осесть и размазаться по стеклу. Федорин выпил в несколько глотков всю кружку разом, за ней вторую. Надо было как-то освежить голову, которая готова была закипеть над перегревшимся телом. «Это не может быть он, потому что этого вообще не может быть», – внушал себе Сергей Иванович спасительную мысль. Вовремя подоспела ему на выручку любезная женушка, которая с букетом гладиолусов наперевес выруливала с базара с усталой, но удовлетворенной улыбкой. Видно было, что ей удалось всласть поторговаться, так что будет трещать об этом до самого приезда на место.

Однако, пока ехали до станции Дружбы Народов (хоть какая-то деталь сна была в руку), Сергею Ивановичу пришлось выслушать не горделивый рассказ о торгах за гладиолусы, а принять на грудь водопад причитаний о потерянной открытке-приглашении. Открытка, видимо, вывалилась из Ни нулиной сумочки на базаре и ехать за ней Федорин сразу и наотрез отказался. Мимо проплыли гранитно-красные колонны бывшей станции «50 лет СССР», увенчанные медными капителями. Пробежали человечки, взявшиеся за руки на ленте с орнаментом, опоясывающей станцию «Хамза». Между «Хамзой» и бывшей «Комсомольской» поезд выехал на мост и завис на несколько секунд над зеленой поверхностью канала Актепе, шероховатой от мелкой ряби. «Мама, смотри, море, море!» – восторженно кричал какой-то ма-

лыш, стоя на коленках на сидении перед окном вагона.

Как раз на ничем не примечательной «Комсомольской» уши Сергея Ивановича не выдержали, и он устало спросил супругу, помнит ли она хотя бы адрес, по которому их ждут. Ответ его мало волновал, просто хотелось немного отдохнуть от любимого голоса. Нинуля возбуждена, что, конечно же, помнит, но это ничего не меняет, свадьбу они бы и так нашли, много ли свадеб можно провести одновременно во дворе дома за телефонной станцией? «Я имени невесты не помню! И как прикажешь их поздравлять? Дорогой Камиль и невеста?». «Нин, там видно будет», – отмахнулся Федорин от жены.

На станции Дружбы Народов, под потолком с нишами в форме подвешенных днищами вверх светящихся лодок, супруги чуть задержались. Пока Нинуля в очередной раз перетрясала содержимое сумки в поисках открытки, Сергей Иванович, вздыхая, оглядывался по сторонам. Он с сожалением останавливаясь взглядом на отчетливо выделявшихся на стенах серого мрамора круглых отпечатках, оставшихся от снятых гербов союзных республик. Когда же они поднялись на поверхность, глазам Федориных предстала распахнутая ладонь площади все той же Дружбы Народов. За еще не демонтированным позорно памятником семье Ташкентского кузнеца Шамахмудова, усыновившего во время войны пятнадцать эвакуированных в «город хлебный» сирот со всего Союза, высился резной куб Дворца, по стечению

обстоятельств, также Дружбы Народов. Если оставить дворец по левую руку и идти прямо, то увидишь, как площадь огибает и уходит вперед, куда достает взгляд, широкий проспект опять-таки Дружбы Народов. Его асфальтовая гладь с двух сторон обрамлена летом густыми пыльными кронами деревьев. Справа протянется рукав проспекта Фурката в сторону Старого города, увенчанный бирюзовой, перевернутой в небо дном чашей купола Ташкенского цирка. Весь этот город, пронизанный солнцем и горячим синим воздухом, Сергей Иванович искренне любил, но никогда не говорил об этом.

Вот и сейчас, глубоко вздохнув, Федорин про себя подумал, что, наверное, стоило выбраться в Ташкент хотя бы и на свадьбу к Камилю, и уже более благосклонно посмотрел на семенящую рядом и старающуюся попасть в такт его широким шагам жену. Немного подумав, он даже забрал у нее из рук букет, который ростом был если не выше нее, то очень немного сантиметров не доставал до Нинулиной макушки. Сразу видно – постаралась, гладиолусы выбрала самые, наверное, грандиозные на всем базаре.

– Ну, жинка, кажи, где та свадьба, – молодецки подзадоривал жену Сергей Иванович, держа путь не в сторону леса, но в направлении деревьев, обрамляющих подход к дому номер один за телефонной станцией номер пока еще сорок пять. То есть туда, куда указала по-прежнему девичья, несмотря на практически бальзаковский возраст обладательницы, Нинулина память.

Ответом ему были торжественные призывные звуки карная. Подойдя поближе, можно было различить уже затейливую, будто резную, мелодию сурная и дробный ритм дойры. Музыканты, одетые в легкие полосатые чапаны, опоясанные платками, сложенными углом, и в шитых белыми «перцами» черных тубетейках, встречали гостей у входа просторной крытой площадки посреди двора. Гости уже расселились за накрытыми столами. Своеобразные расписные стены вокруг столов образовывали подвешенные на бельевые веревки ковры. «Ну что? Съел?!» – говорил победоносный взгляд

жены, когда их встретили поклонами родители, наверное, невесты, удивленно переглянувшись на Ни нулино щебетание: «А мы тетя и дядя Камиля из Джизака!».

Их проводили к столу молодоженов, составлявшему центр буквы «П», в которую были выстроены столы. За их спиной светящийся транспарант возвещал: «Камил ва Нигора бахт кечаси» – «Вечер счастья Камиля и Нигоры». «Что-то там, в открытке, не Нигора была, кажется», – засомневалась на какое-то мгновение Ни нуля и даже замедлила шаг. Но имя племянника, высвеченное на фоне ковра, рассеяло все ее сомнения, и она смело шагнула к столу. Ее не смутило даже то, что не было видно ни одного знакомого лица на стороне жениха. Родители, ясное дело, в бегах, надо же встретить и усадить за стол всех родственников и знакомых, и всем уделить внимание и выказать уважение. «Гость в доме – радость в доме», говорит узбекская пословица. А остальных просто трудно узнать с налету в праздничных одеждах – давно не виделись.

Жених и невеста сидели за столом, склонив головы, так что лиц было не разглядеть. Ни нуля подошла со стороны невесты и пристально вглядывалась в нее. Короткая спереди, но очень пышная и густая фата, накинутая в несколько слов на золотую тюбетейку девушки, заслоняла голову жениха. Был виден только его темно-синий бархатный чапан, шитый золотом, и сложенные на коленях руки. Сквозь нижний слой фаты сквозил круглый вырез белого атласного платья невесты.

сты и накинутый на него сверху халат из хан-атласа голубовато-сиреневых тонов, с широкой золотой каймой по вороту и краям расклешенных рукавов. На тонкой, почти детской шее поблескивало тяжелое кольцо с крупной яркой бирюзой. Такая же бирюза украшала хрупкие пальцы, придерживающие край фаты. «Что-то они решили и на вечере все национальное, вроде дочка прокурора какого-то, городская...» – не давали Ниноле покоя сомнения.

Но Сергей Иванович уже вручил громоздкий букет янге – подружке невесты, и ожидающе смотрел на жену. Обойдя мужа сзади и подойдя к столу вплотную уже со стороны жениха, с риском смять гирлянду из белых розочек, закрепленную по краю стола, Ниноля тихонько позвала: «Камиль, мальчик мой, тут тетя Нина», и звонко охнула, и отшатнулась, стоило жениху поднять на нее из-под золотой чалмы смеющиеся глаза. «Сережа, это не наш Камиль!» – громко возопила гостья и, оттолкнув мужа, вырвала цветы у янги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.